

Что есть Россия?

А.И. Неклесса, заместитель генерального директора Института экономических стратегий при Отделении общественных наук РАН

Почему данная тема была избрана организаторами, как один из составных — и замечу, важнейших, — этапов работы нашего семинара?

Очевидно, что ценности Российского государства (равно как и сложившееся понимание гуманитарной науки) нельзя глубоко рассмотреть вне тематики сегодняшнего заседания. Три вопроса, ответы на которые с той или иной мерой полноты коренятся в христианском опыте миростроительства: (1) что есть современный мир; (2) что есть Россия; (3) и, наконец, весьма непростой вопрос, особенно при рассмотрении его с данной позиции, — в чем все-таки суть социального транзита, который мы переживаем?

На первый вопрос можно было бы ответить упрощенным образом. Например: «современный мир есть форма реализации городской культуры». Но сразу же возникает вопрос о генезисе этой особой культуры, столь отличной, скажем, от городской культуры Античности или Востока. Думаю, дело тут именно в христианской закваске данной культуры. В.М. Межуев уже затрагивал эту тему — личностное, индивидуальное развитие в коллективном взаимодействии. Но восприятие коллектива как суммарной формулы взаимодействия личностей, порождено именно христианским пониманием личности и определяется с позиций данного мировоззрения как соборность. Основной плод христианской цивилизации это, пожалуй, сам индивид, деятельная, сложноорганизованная личность. Забегая вперед, можно сказать, что именно здесь коренятся истоки

многих особенностей современной цивилизации, ее специфических институций, включая основания политического и экономического мироустройства, расширенное воспроизводство и вообще наличие индустриальной, инновационной культуры.

Городская среда утвердилась, преодолев препоны «темных веков», но что означали сами «темные века»? Опять-таки, упрощая проблему, можно сказать — это сумма двух разных процессов: (1) с одной стороны, варваризации общества, которая бросалась в глаза, при этом, возможно, затмевая исторический горизонт, и (2) генезисом — в сумерках и отбросах прежней цивилизации — новой поразительной культуры. И уже в западноевропейской своей версии она проявилась как городская культура. Я делаю акцент на данной версии цивилизационного переворота, поскольку именно эта феноменология послужила основой культуры Модерна, превратившейся затем в глобальную оболочку цивилизации. Города, *бурги* выступили антагонистом словесного строя, выдвинув в качестве нового субъекта исторического действия «третье сословие»: буржуазию, т. е. бюргеров, городских жителей. Так формировалась социальная галактика Модерна...

Второй вопрос. Что есть Россия? Сложный вопрос и непростой ответ. Тем более, повторюсь, с позиций исторического опыта нам известны различные ипостаси России. А территория Киевской Руси сегодня, вообще, находится за границами России-РФ, т. е. на территории иностранного государства, наводя на размышления, в какой степени, скажем так, Англия является составной частью культурно-исторической общности современной Америки?

Поиск ответа на вопрос о сущности, идентичности социального организма, обладающего территорией, специфическим миропониманием и реализующего определенную формулу миростроительства, отчасти напоминает мне следствие, в ходе которого обнаруживаются внешние

признаки ситуации, внутренние, энергийные основания поступков и, наконец, вскрывается подлинная идентичность.

Внешним признаком российского бытия является его *фронтирность*, прочерченная векторами старых и новых, но заведомо значимых путей. Территория России выстраивалась в соответствии с географией «путепроводов» того или иного времени. Ее внешние границы обрамлены линиями торговых маршрутов, начиная со знаменитого, «западного» пути «из варяг в греки» (но также «к персам», а порою и далее, к примеру, по следам Афанасия Никитина). На юге — это линия Великого шелкового пути, а на севере, вдоль Ледовитого океана — «соболий путь» за Урал, в Мангазею.

Кстати, рассуждая о пространственных измерениях российской государственности, мы нередко забываем, что Россия исторически не только евразийское, но трансконтинентальное государство, раскинувшееся в один из периодов своей истории даже не на двух, но на трех континентах, захватив на третьем не только Аляску, но и Калифорнию (и в то время северная часть Тихого океана получила дерзновенное наименование «Русского моря»).

Основной же вектор России как «страны пути» был прочерчен миссией свидетельства о Христе на Востоке, ее ролью трансграничья Большой христианской цивилизации, пронзив просторы Евразии и уходящей далее в трансконтинентальную просторность, смыкаясь там с движением в противоположном направлении («посолонь») западноевропейской цивилизации... Так что необъятность и сами очертания российской территории носят неслучайный характер, имея определенное смысловое содержание. Ее территория и динамичные границы исторически и идейно (метафизически) мотивированы, этот «сухопутный океан» отнюдь не «яма, наполненная водой». По этому поводу, впрочем, существует и несколько иная точка зрения, о которой чуть позже.

Фронтирность, предельность, экстремальность российской психеи имеет также внутренний, энергийный смысл и замысел, непосредственно связанный со спецификой миропонимания, самоощущением своей судьбы как определенной миссии, уникальностью и единственностью, исторической ответственностью. И одновременно идентичность и судьба России отмечены «крестом», инаковостью, эсхатологичностью, отверженностью, возможностью «свободы во грехе» и собственного обрушения в пропасть.

Так все-таки, что есть Россия? Она не Азия и не Европа, не Евразия и не Азиопа. И не наследница Византии. И не просто предельная, граничная территория христианской культуры, но мыслилась она идеологами как «особое место» — «Третий Рим», где русские — не этнос, а «ромей», Русское царство — Ромейское царство, исполнитель особой миссии (в том числе и собирания народов, и освоения «ордынского наследия»).

Сложная ситуация и с «наследием византийским». Сегодня господствуют стереотип о преемственности между Русью и Византией, выраженный-де в легенде о «шапке Мономаха» и тезисе о Третьем Риме. Но если обратиться к документам и событиям соответствующей эпохи (XVI в.), то мы увидим: дело обстояло чуть ли не диаметрально противоположным образом. Формула же Третьего Рима являлась своего рода опровержением Византии, «отряхиванием праха»...

Русское царство мыслилось новой общностью, местом сосредоточения «остатка», центром притяжения «верных», которые хранят истину в заливаемом водами нового потопа мире. На протяжении длительного периода российской истории подобные умонастроения питали энергию России, являясь подспудной, движущей силой ее внутренней и внешней экспансии. Пик этой энергетики пришелся на XVI–XVII в. Предельность и то напряжение, которые присутствовали в таком понимании миссии России, предопределили в дальнейшем разноликое пре-

тензии и на универсальную роль, и на глобальное присутствие.

Особое положение России, доступные ей «пространство свободы», «особая воля» предполагали, однако же, возможность, как запредельного взлета, так и страшного падения, низвержения. *«Мы вовсе не думаем, что судьбы мира заканчиваются Россией...»* писал в свое время Иван Аксаков. А Константин Леонтьев высказывался еще резче: *«...если мы ошиблись, то и Россия погибнет скоро (исторически скоро), слившись так или иначе со всеми другими народами Запада в виде жалкой части какой-нибудь серой, безбожной и бездушной федеральной мерзости!»*. Но, пожалуй, головокругительную глубину российского «или-или» определил Лев Тихомиров, высказывавший предположение, что апокалиптический образ Вавилона, *«Жены-Любодееицы»*, может при известных обстоятельствах обозначать именно Россию...

В трех исторических форматах: Российской империи, России–СССР и России–РФ — отголоски этих токов, нисходя и угасая, все же питали строительство внешних, подчас извращенных, карикатурных форм социального строительства. Возможно, с этим инволюционным процессом связан и распад на время стянутого железными обручами тела империи/«союза».

Таковы непростые следствия непростых обстоятельств формирования российской идентичности, формулирования русской идеи — процесс, предопределившей, в конечном счете, ту историческую ситуацию, в которой сегодня пребывает Россия и которая — в меру сил и возможностей — была предметом нашего обсуждения.

Ответ же на вопрос о сути и горизонтах нынешнего социального транзита или, точнее, рассмотрение данной проблемы, видимо настолько объемно, что, возможно, потребует отдельного разговора.

В выступлении докладчика секулярное мироустройство определено как «географический ареал», «Запад», который

не имеет мировоззренческой основы. На мой взгляд, это спорное утверждение. И вот почему. Во-первых, вряд ли вообще может существовать мироустройство (тем более сложное), которое не имеет мировоззренческих оснований. Секулярное мироустройство — уникальное явление в истории, отражающее идеалы Просвещения. Само понятие секуляризации и связанное с ним специфическое положение человека в обществе — равно как и соответствующее устройство самого общества — имеют собственную теологическую основу, развиваемую наиболее интенсивно протестантскими теологами. Генезис подобного мироустройства сопряжен со взглядом на человека, как на существо способное достигнуть *«совершеннолетия»*, т. е. могущего *«существовать так, как если бы — я подчеркну это «бы» — как если бы Бога не было»*. Это теологическая позиция, которая зиждется на определенном прочтении христианских ценностей.

Второе замечание касается России. Россия была озвучена в докладе как некоторый идеальный тип, как реализация христианской идеи в оппозиции к аморфному географическому Западу. Однако заключительная часть выступления показала, что состояние российского общества, как нынешнее, так и прошлое, социальная и культурная реализация фундаментальных ценностей не отвечают заявленным идеалам, причем не отвечает настолько серьезно, что возникает вопрос, а существует или существовало ли в России общество, которое с этих позиций можно охарактеризовать как христианское? И как следует характеризовать нынешнюю идентичность России в данном аспекте?

Возникает также ряд других, достаточно серьезных вопросов, и я вижу, что возникают они не только у меня.

Минин и Пожарский.
Художник А.И. Калашников